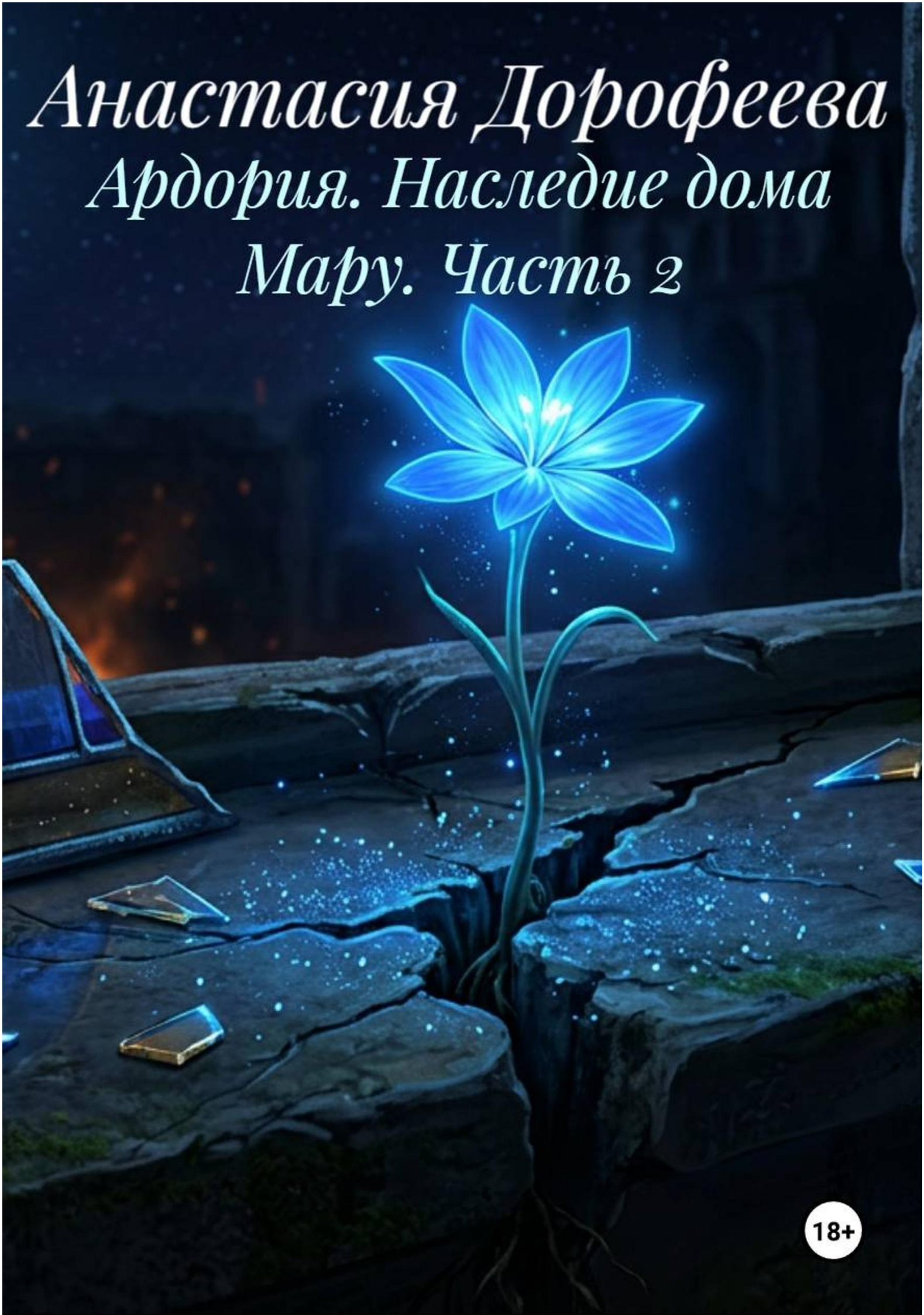
Анастасия Дорофеева

Ардория. Наследие дома Мару. Часть 2

18+

Анастасия Дорофеева

Ардория. Наследие дома Мару. Часть 2

«Автор»
2026

Дорофеева А.

Ардория. Наследие дома Мару. Часть 2 / А. Дорофеева — «Автор», 2026

Продолжение истории о том как строилась самая могущественная семья Ардории. Пока Первый Император Сандор укрепляет границы, а его верный Палач Норберг плетет невидимую сеть безопасности, во дворце Ацилотса зреет будущее, способное как спасти мир, так и разорвать его в клочья.Рождение Пьера — старшего сына — стало символом стабильности. Мальчик, в жилах которого течет кровь древних Этерионов, с пеленок выбрал путь долга, меча и ледяной дисциплины. Он — идеальный наследник, воплощение порядка, на котором держится шаткий мир Ардории. Но рождение одного ребенка — лишь половина пророчества.Чтобы древняя магия не угасла, а род Этерионов не прервался, императору Сандору нужна дочь. Сможет ли его единственный сын, предназначенный для войны, принять закон, по которому он навечно останется лишь тенью своей сестры?

© Дорофеева А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 21. Наследие 5
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Анастасия Дорофеева
Ардория. Наследие дома Мару. Часть 2

Глава 21. Наследие

Вечер опустился на Ацилотс густой, фиолетовой синевой. В малой библиотеке императорского крыла пахло старой кожей, сухим деревом, пчелиным воском и едва уловимым, кисловатым ароматом магической пыли, которая веками оседала на книжных полках. За высокими окнами, забранными свинцовым переплетом, уже зажигались первые магические фонари, бросая на брусчатку улиц дрожащие пятна света, но здесь, у массивного дубового стола, царил полумрак, разгоняемый лишь мягким, болотным светом зеленой стеклянной лампы.

Сандор сидел в глубоком кожаном кресле, откинув голову на высокую спинку. На коленях у него, нарушая все мыслимые дворцовые протоколы, сидел Пьер. Семилетний мальчик, уже тяжелый для отцовских колен, пристроил голову на жестком наплечнике камзола императора, а сам водил пальцем по раскрытому фолианту. Это был «Трактат о природе эфира» — книга, которую Сандор штудировал в этом же возрасте, но смотрел мальчик не на витиеватые формулы, а на древний гобелен напротив. Шерстяная нить выцвела от времени, но все еще хранила сияние: на ней Исход Этерионов из Ахтара выглядел как падение звездопада на цветущие луга Ардории.

— Отец, — внезапно сказал Пьер.

Мальчик захлопнул фолиант. Гулкое эхо разлетелось под высокими сводами, заставив дрогнуть пламя в лампе. Сандор медленно отложил перо. Гусиное перо легло на подставку из черного дерева с глухим стуком. Чернила на документе — указе о налогах для северных провинций — еще влажно поблескивали, как запекшаяся кровь.

Император поднял взгляд на сына. В его темных глазах не было раздражения, лишь тяжелая, бесконечная усталость правителя, который знает цену каждому слову.

— Почему мы лжем?

— Мы не лжем, Пьер. Мы соблюдаем протокол. История, которую рассказывают менестрели на площадях за кружку эля, и история, которую пишут в этих стенах, различаются. О чем именно лгут менестрели на этот раз?

— О них, — Пьер ткнул пальцем в другой гобелен, где был изображен первый Император Антарес в сияющих доспехах. — Об Этерионах. В книге написано, что они просто пришли, обучили людей магии, как добрых наставников, и ушли в свой Ахтар, когда их миссия была выполнена. Но это не так.

Сандор медленно сцепил пальцы в замок. Суставы едва слышно хрустнули.

— История всегда начинается с того момента, который удобен победителю, сын. Этерионы не были святыми странниками. Тридцать тысяч лет назад, когда они открыли Врата, они были исследователями, которые сами не знают, что ищут. И Ардория стала для них лишь лабораторией.

— И они принесли с собой магию, — подхватил Пьер. Его голос звенел от напряжения. — Но книга не говорит главного. Почему престол всегда переходит к женщине? Если Антарес был мужчиной, почему Императором не стал его сын? Почему первым правителем после него записана его дочь, Селеста? Я читал хроники. Первый Император, Антарес, пришел из Ахтара. Он был богом среди людей. Его дочери сияли, как звезды, и от их смеха распускались мертвые сады. Его сыновья… в хрониках написано, что они могли двигать горы. Ты не можешь. Я не могу. Почему же тогда мы правим их Империей?

Сандор медленно повернул голову. Он не любил эти вопросы — они пахли пылью заброшенных архивов и подрывали саму суть его власти, построенной на воле, законе и стали, а не на первородном хаосе. Но Пьеру было семь, и он имел право знать, почему его кровь считается «второсортной» для трона, который по праву должен был принадлежать ему.

— Хроники лгут в деталях, сын, чтобы вдохновлять, — произнес Император, не поднимая глаз от страницы. — Поэты пишут, что сыновья первых Этерионов держали небо на плечах. Это правда. Но они были исключением, вспышкой чистого Ахтара в чужом небе, а не правилом. Закон крови всегда был неумолим.

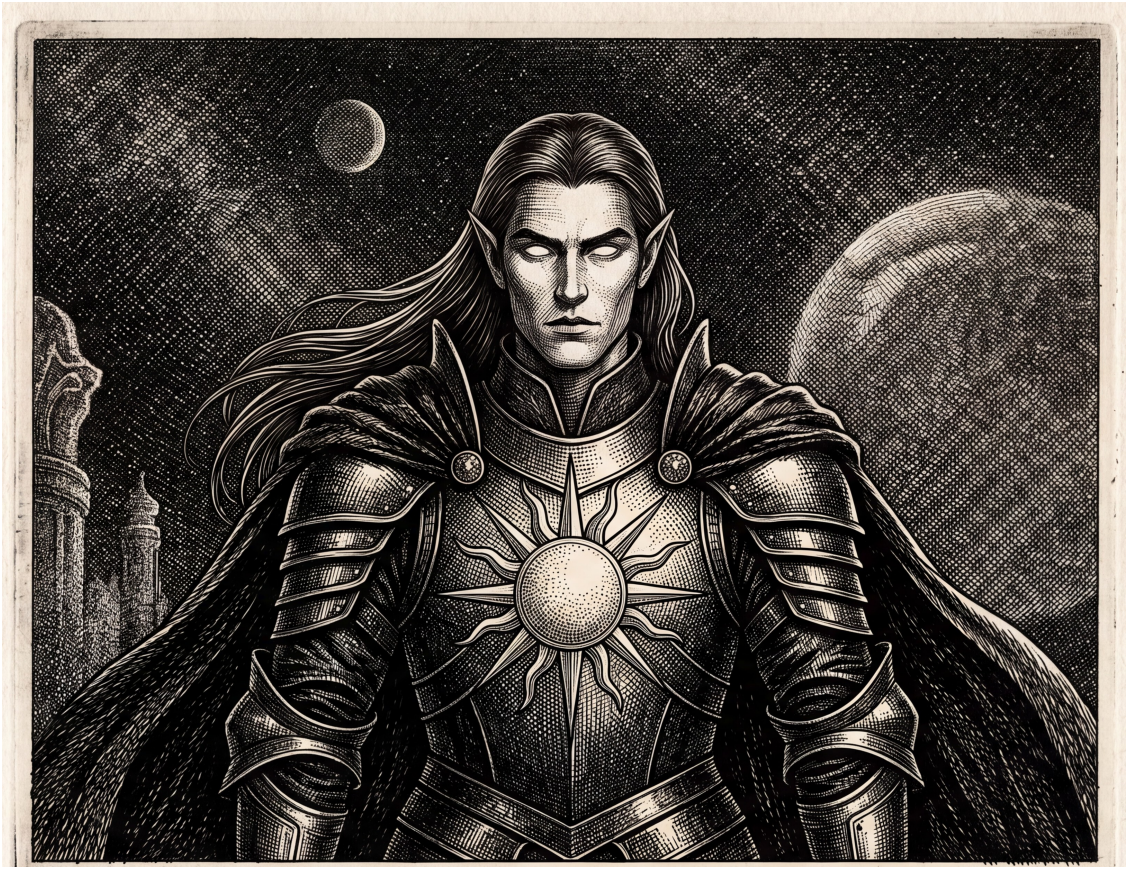
Сандор протянул руку, не глядя. Его пальцы замерли в воздухе.

— Подай мне ту книгу, — Сандор кивнул на нижнюю полку массивного стеллажа, где в полумраке угадывались ряды одинаковых корешков. — Третий том «Хроник Раскола». В синей обложке.

Пьер соскользнул с отцовских колен. Его домашние туфли из мягкой кожи беззвучно утонули в густом ворсе ковра. Мальчик, путаясь в полах тяжелой домашней туники, расшитой серебряной нитью, подошел к полке. Он с усилием уперся обеими руками в дубовую дверцу — суставы пальцев побелели от напряжения — и потянул. Петли, недавно смазанные дворцовым механиком, подались с тихим, масляным вздохом.

Книга стояла вертикально, зажатая между трактатами по алхимии. Пьер обхватил ее обеими руками. Фолиант весил почти как новорожденный теленок. Мальчик крякнул от натуги, приподнял край и, перехватив поудобнее, понес к столу.

Книга пахла сухой кожей, горьким миндалем и магической пылью — тем самым запахом, который остается в воздухе после мощного, но нестабильного заклинания. Сандор положил тяжелую ладонь на плотную, чуть шершавую бумагу. Книга была древней, переплет стягивали потускневшие медные скобы, а страницы, казалось, едва заметно гудели от вложенной в них силы, заставляя волоски на руках вставать дыбом. Он открыл фолиант не на титуле, а ближе к середине, где желтые от времени листы были испещрены не только текстом, но и странными, пугающими гравюрами, выполненными выцветшими, но все еще светящимися в полумраке чернилами.

— Дом Мару, — начал Сандор, и его голос стал гулким, похожим на голос лектора в Академии, — действительно был первым. Антарес пришел из Ахтара, и в его венах текла чистая эссенция миров. Но он был мужчиной. Как я. Как ты.

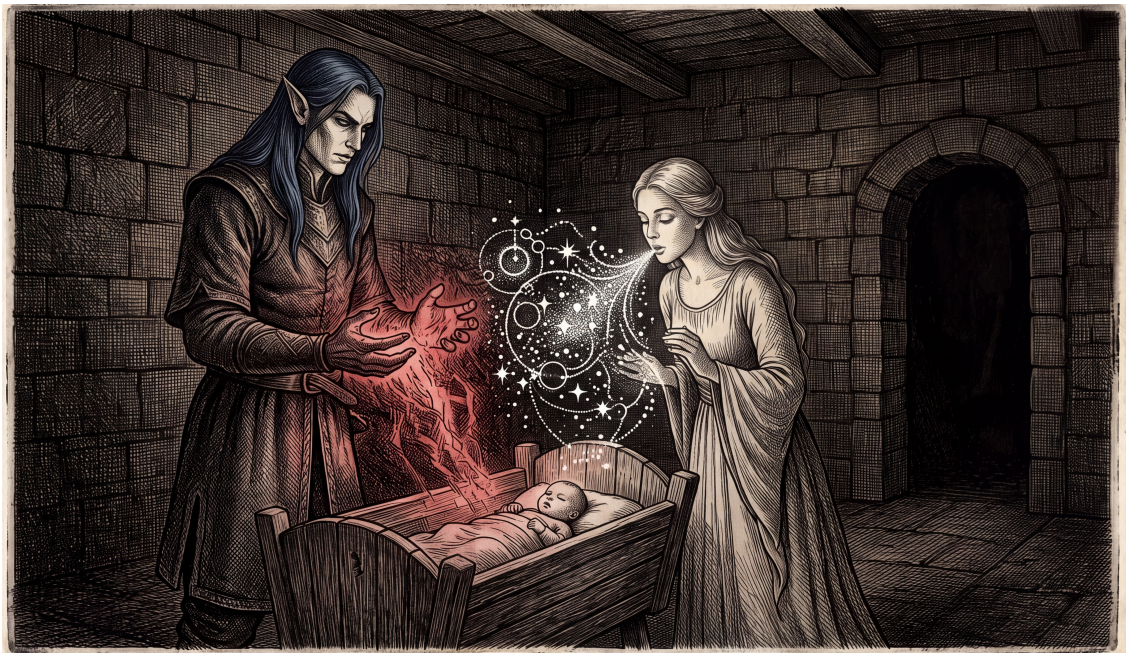
Пьер подошел ближе, вставая на цыпочки, чтобы заглянуть через плечо отца. От книги исходило легкое, ощутимое кожей тепло.

— До Великого Раскола, Этерионы правили напрямую. Когда они прибыли из Ахтара, они были совершенны. Но …Чтобы вплести магию в наш мир, чтобы она не выжгла его, превратив в пепел, Этерионам пришлось измениться. Их дар мутировал. Он привязался к самой основе жизни — к тому, как создается ребенок.

Сандор провел пальцем по строчкам витиеватого Всеобщего. Чернила, которыми был написан этот абзац, казались объемными.

— «...и взял Эладар, сын Антареса, в жены деву земную, — глухо зачитал Император. — И родилось у них трое сыновей. И была в них кровь отцов, но не было в них их сути. Ибо магия, что творит миры, не терпит мужских рук, ибо нет в них для нее вместилища».

— Что это значит? — нахмурился Пьер, водя пальцем по витиеватому рисунку на полях. На гравюре высокий мужчина с иссиня-черными волосами стоял над колыбелью. Из его ладоней лился тусклый, болезненно-красный свет, который едва мог разогнать тени в комнате, в то время как рядом его жена одним выдохом зажигала в воздухе целое созвездие, и светлячки складывались в карту звездного неба.

— Это значит, что Ахтар и Ардория — это разные ткани бытия, — Сандор перевернул страницу. Император указал на карту Империи, вплетенную прямо в пергамент. — Смотри на это, Пьер. Это не просто материки. Это история нашей крови. — Он указал на юго-восток, где зародилась империя, и краски на карте в этом месте были ярче, почти пульсируя. — Первые Этерионы пришли сюда. Они брали в жены женщин этого мира. И природа Ардории, сама земля, потребовала равновесия.Дар Этерионов, Пьер, — это не просто умение швыряться молниями. Это способность менять саму суть материи. И эта способность закодирована в Х-хромосоме.

— В чем? — переспросил Пьер, наморщив лоб.

— В женской сути, — терпеливо пояснил Сандор,— Слушай меня внимательно. Когда Этерионы смешались с людьми, они обнаружили закономерность. Их магия, их способность творить из ничего, оказалась привязана к женской линии. К тому, что наши ученые в Академии сейчас называют Х-хромосомой. У женщин их две. Это дает им стабильность. Если женщина несет в себе ген Этерионов, она получает весь дар. Полный. Абсолютный. Первородный. Она может творить жизнь, открывать порталы между мирами и держать на плечах небо. Она — истинный Этерион.

Он перевернул страницу. На пожелтевшем листе была изображена сложная, переплетающаяся вязь. Две толстые, светящиеся синим светом нити — Х-хромосомы — образовывали идеальный круг. Внутри женской фигуры они шли параллельно, не пересекаясь, создавая мощный, стабильный контур. Пьер прищурился, разбирая мелкий, торопливый почерк древнего хрониста:

«Леди Селеста, дочь Антареса. Кровь при рождении светилась, не обжигая. Исцелила чуму в Южных пустошах одним касанием. Плетение материи — абсолютное. ».

— А у мужчин? — шепотом спросил Пьер.

— У нас только одна такая хромосома, — Его палец переместился на следующий разворот. Здесь рисунок был другим. Схема мужской наследственности. Одна светящаяся нить, идущая от матери к сыну.

— И она достается нам от матери. Мужчина-потомок Этериона получает магию. Но она в нем… неполноценна. Она не может развернуться во всю ширь. Представь себе реку, которую заставили течь через соломинку.

Он перевернул еще несколько страниц. На гравюре был изображен воин в доспехах Дома Мару. Его глаза светились не мягким светом, как у женщин на предыдущих страницах, а баг-

ровым, как раскаленное железо. В руках он держал клинок, от которого шел пар, плавящий камень под ногами. Сандор провел пальцем по строчкам текста рядом с гравюрой:

— «Варис Мару, сын Селесты. Специализация: Пиромантия, ранг — Экстремис. Не способен к целительству или межпространственным вратам. Дар агрессивен, требует постоянной ментальной фиксации, иначе сжигает носителя изнутри. Деградация при передаче сыну — минус 40% от потенциала матери».

— Видишь? — Сандор захлопнул книгу. Тяжелый дубовый переплет ударился о стол с грохотом, от которого подпрыгнула чернильница. Поднялось облачко светящейся пыли, оседая на темном сукне камзола императора. — Варис не мог исцелять. Он не мог открывать двери в другие миры. Он мог только сжигать. Она сожгла его изнутри к пятидесяти годам. Его магия стала оружием. Мой прадед мог менять русла рек. Мой дед — поднимать в воздух крепости. Мой отец — читать мысли целого города.

Сандор поднялся и подошел к камину, грея руки над остывающими углями.

Пьер нахмурился, пытаясь представить.

— Поэтому магия мужчин… деградирует? — спросил он, повторяя взрослое слово, услышанное от наставников.

— Она становится однобокой, — кивнул Сандор. — Этерион творит всё. Его дочь — почти всё. Его внук — уже только что-то одно. К третьему поколению мужская кровь дает лишь одну специализацию. Магия огня. Или магия воздуха. Или земли. Дар сужается до одной тропы. Он становится острым, как игла, но теряет гибкость. Он больше не может плести ткань мира, он может только рвать эту ткань. А к четвертому поколению, если не вливать новую, чистую кровь Этерионов, он превращается в простую человеческую искру.

— Значит, мы… вырождаемся? — в голосе Пьера прозвучал испуг.

— Мы бы выродились еще пятьсот лет назад, — жестко ответил Сандор, и его пальцы, лежащие на кожаном переплете, побелели от напряжения. — Если бы не закон о престолонаследии. Слушай меня внимательно, сын. Это не урок биологии из Академии. Это единственный устав, который удерживает Ардорию от падения в бездну.

Император подошел к сыну. Его тяжелые шаги гулким эхом отдавались от каменного пола. Он присел на корточки перед Пьером, заставив мальчика вздрогнуть — отец никогда не опускался до его уровня, соблюдая дистанцию правителя. Теперь их глаза были на одном уровне. Лицо Сандора, обычно высеченное из обсидиана, стало серьезным и пугающе живым. Морщины в уголках глаз стали глубже, а в тенях залегла усталость.

— Когда Антарес понял, как работает этот ген, когда он увидел, как слабеют его сыновья, он издал первый и самый главный закон. Закон о Чистоте. Магия должна течь по женской линии. Престол — это сосуд. Чтобы он был полон, его должна наполнять женщина.

— Но ты же Император, — упрямо напомнил Пьер, и в его голосе зазвенела детская, иррациональная обида за отца. — Ты сидишь в этом кресле. Ты носишь корону. Ты командуешь армиями. Почему? Если ты — конец линии? Если твой дар угасает, как свеча на ветру?

Сандор тяжело поднялся. Суставы пальцев сухо щелкнули. Он подошел к высокому окну. За толстым, чуть искажающим стеклом спал ночной Ацилотс, укрытый фиолетовой дымкой, сквозь которую пробивались огни магических фонарей, похожие на застывшие слезы.

— Потому что моему отцу не повезло, — глухо ответил Император, не оборачиваясь. Его отражение в черном стекле выглядело старше, чем он был на самом деле, плечи казались ссутуленными под тяжестью невидимой короны. — Императрице, моей матери, боги дали только одного ребенка. Меня. Сына. У нее не было дочери, чтобы передать чистую, первородную магию. У нее был только я — носитель вырождающегося, тупого дара.

Сандор отвернулся от окна. Он подошел к камину и взял с каминной полки тяжелый бронзовый канделябр. Его пальцы сомкнулись на металле, сминая его, как мягкую глину — проявление чистой, неконтролируемой физической силы, без капли магии.

— Кровь Мару — это право на власть, сын, — голос Императора был ровным, но в нем вибрировала сталь, способная резать стекло. — Право командовать, судить и убивать. А кровь Этерионов — это право на магию, которая эту власть удерживает. Я — Мару. Я могу вести армии, я могу держать в кулаке материк. Но я не могу сотворить водяных карпов из пустоты. Я не могу исцелить чуму. Я могу лишь убить того, кто ее принес.

— Но ты же Этерион, — упрямо возразил Пьер, вскакивая. Его домашняя туника зацепилась за подлокотник с тихим, жалким треском рвущейся нити. — В тебе кровь Антареса!

Сандор посмотрел на сына сверху вниз. В полумраке его глаза казались двумя провалами в темноту, в которых не отражался даже свет камина.

— Закон Империи, написанный кровью после Войны Расколотого Неба, жесток, но прост.

Сандор вернулся к креслу и тяжело оперся о резную спинку.

— Если у правящего Императора не рождается дочь — носительница полного гена, — то его сын не может просто сесть на трон и жениться по любви. Если он сделает так, его дети родятся обычными людьми. Мужская линия Этерионов всегда вырождается в простых людей, если не находит подпитки. Дар деградирует. Если бы у меня родилась дочь от женщины без дара, — продолжил Сандор, и его голос стал тише, интимнее, — она бы получила лишь половину. Ее первенец был бы обычным человеком. А его сын — пустым местом на троне. Дар бы прервался. Если бы в Доме Мару не рождалось дочерей, а сыновья женились бы на женщинах без дара, магия бы истончилась, как старый пергамент. Дар Ахтара исчез бы. И мы станем просто королями. А короли без магии долго не живут — их травят, режут в постелях или свергают маги, чьи стены крепче их замков. Империя, лишенная магии Этерионов, развалилась бы за десятилетие. Нас бы смели гномы с севера или пираты Илдаров с востока.Поэтому существует «Право Крови».

— Значит, ты не должен был стать Императором? — прямо спросил Пьер. В его голосе не было упрека, только сухая, математическая констатация факта. Он уже просчитывал ходы, как маленький стратег.

— По законам крови — нет, — кивнул Сандор. — Мой отец должен был взять вторую жену-Этериона, пока мать была жива. Но он любил мою мать. И она была… сильной. В ней текла кровь смешанная с отголосками Этерионов. Она держала Империю своей волей, пока отец держал ее мечом. Они надеялись, что у них родится дочь. Но родился только я.

Пьер слушал, и его лицо становилось все более серьезным. Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию.

— Но ты на ней женился, — тихо сказал Пьер. Он сделал еще один шаг и коснулся рукава отцовского камзола. — На маме. Из любви.

Сандор замер. Он медленно опустил взгляд на руку сына. Впервые за весь вечер в его темных глазах что-то дрогнуло — тень глубокой, затаенной боли, которую он прятал даже от самого себя.

— Из любви, — эхом повторил он. — И это был бунт. Самый страшный бунт в истории Дома Мару. Совет требовал моего отречения. Норберг уже готовил списки потенциальных невест из рода Телеров и чистокровных эльфиек. Я должен был пожертвовать своим счастьем, чтобы спасти магию. Я должен был взять в постель женщину с нужным геном, а твою мать сделать лишь фавориткой, чтобы сохранить чистоту крови, но не оскорбить ее.

Император выпрямился, возвращая лицу привычную непроницаемую маску. Он положил тяжелую ладонь на макушку сына, взъерошив темные волосы. Губы Сандора дрогнули в едва заметной, горькой усмешке.

— Мне повезло, сын. Мне выпал единственный шанс из тысячи. Дом Аврелиан, из которого вышла твоя мать, тоже несет в себе кровь Ахтара, но их линия была чище нашей. Когда я встретил ее, я не думал о генах. Я был просто Сандором, а она — просто Лизабет. Я смотрел на нее и не видел Х-хромосом. Я видел женщину, которая смеялась так, что в зимнем саду

распускались замерзшие розы, а ее гнев мог заставить трескаться гранит. Я влюбился в стихию, не зная, что эта стихия спасет мой Дом.

Сандор опустил тяжелую руку на плечо сына, притягивая его ближе. Тепло его ладони казалось почти обжигающим.

— Мне немыслимо, чудовищно повезло. В Лизабет проснулся полный дар. Она — Этерион. Когда я взял ее в жены, я случайно спас Дом Мару от угасания. Наш союз стал чудом, статистической ошибкой, которую жрецы теперь называют «Благословением Двух Линий» и вписывают в церковные книги. Мне выпала редчайшая удача, за которую я благодарю мир каждый день, потому что я не предал ни ее, ни Империю.

— А если бы не было любви? — Пьер смотрел отцу прямо в глаза. В полумраке библиотеки его лицо казалось старше, а взгляд — слишком тяжелым для семилетнего ребенка. — Если бы она вышла замуж за другого, или ты не встретил бы ее? Что говорит закон?

— Закон говорит, что Империя важнее сердца, — глухо ответил он, и в голосе Императора впервые не было стали, только глухая, застарелая боль камня. — Если бы в Лизабет не было гена, я бы стоял перед выбором: моя женщина или жизнь миллионов. И я бы выбрал миллионы. Я бы нашел другую. Ту, чьи глаза светятся синим, как предгрозовое небо над океаном. Ту, в чьей крови спит Ахтар. И я бы лег с ней в постель, думая не о ней, не о ее лице или руках, а о Х-хромосоме, которую она подарит моей дочери. Я бы целовал ее, представляя карту континентов, которые не утонут из-за того, что Пограничные Врата останутся закрытыми. Это была бы моя клятва. Не ей. Империи.Но мне, к счастью, не пришлось.

— А я? — Пьер вскинул голову. — Какая кровь во мне?

— В тебе — половина, — прямо ответил Сандор. — Ты получил Х-хромосому от матери. Ты будешь сильным магом, сын. Возможно, одним из сильнейших в этом поколении. Но ты никогда не сможешь творить из ничего. Твоя магия будет оружием. Пиромантия, как у твоего деда. Или, возможно, гравитация.

— Значит, я не могу быть Императором… — в голосе мальчика не было обиды, только сухой факт.

— Да. На троне сидит тот, кто может удержать в руках *весь* дар, — сказал Сандор. — Если у нас с твоей матерью родится дочь, она будет Этерионом. В ней проснется ген. Она унаследует всё. И трон перейдет к ней. А ты, мой сын, будешь стоять за этим троном с мечом в руках. Ты будешь править армией, пока твоя сестра или дочь правит миром. Это не несправедливость, Пьер. Это единственный способ не повторить судьбу Эладар. Это единственный способ, которым Дом Мару держит свое слово.

— А если… если снова родится сын? — прошептал Пьер, и в его голосе впервые за весь вечер прозвучал не вопрос, а страх. Страх за еще не рожденного брата, которому достанется лишь долг.

Сандор тяжело вздохнул, и в этом вздохе прозвучала вся тяжесть короны, давящая на позвонки.

— Тогда этот сын, — Император положил руку на голову Пьеру, — продолжит мужскую линию. Он будет моим наследником. Он станет твоим братом по оружию. Но чтобы магия в нашем Доме не угасла, чтобы соломинка не пересохла и не сломалась, вы будете обязаны взять в жены женщину, в чьей крови спит этот ген. Вы не будете искать любви. Вы обязаны найти женщину, в чьих жилах бьет ключом кровь Ахтара. Неважно, из какого она Дома — аристократка из Золотого Квартала или дочь последнего свинопаса с северных пустошей, у которой руки в мозолях от вил. Если в ней спит ген, она должна стать Императрицей.

— И жениться на ней, даже если она будет косой, хромой и ненавидеть меня до конца дней? — тихо спросил Пьер, повторяя слова отца, но вкладывая в них новый, пугающий смысл.

— Ради Империи, — подтвердил Сандор. — Чтобы родить дочь. Чтобы магия не прервалась. Потому что, если магия Ахтара уйдет из этих стен, Ацилотс падет. Стены держатся не

только на граните, который добывают в каменоломнях. Они держатся на заклинаниях, вплетенных в их фундамент.

Пьер молчал долго. Он смотрел на свои руки, представляя, как внутри них течет эта странная, половинчатая река, сжатая в узкое русло.

— Значит, вся Империя держится на том, родится ли в семье девочка? — наконец спросил он, и в его голосе прозвучало отчаяние от хрупкости мира.

— Империя держится на том, — Сандор выпрямился во весь свой внушительный рост, расправляя плечи, возвращая себе привычную холодность и дистанцию Императора, — чтобы такие, как я, стояли на страже, пока такие, как твоя мать, творят миры. Мы — щит, Пьер. Мы — те, кто платит кровью за их право творить.

— Значит, мой долг — найти такую же, как мама? — спросил мальчик, глядя отцу в глаза. В его взгляде не было слез, только пугающее, взрослое принятие. Семилетний ребенок только что подписал невидимый брачный контракт, условия которого были написаны кровью его предков. — Если у меня не будет сестры?

Сандор улыбнулся, но улыбка вышла печальной, похожей на трещину в леднике. Она не затронула глаз.

— Тебе не придется об этом думать еще долго, Пьер. Но когда придет время, помни: ты тоже из дома Мару. В твоей крови — воля и сталь. Твоя магия будет оружием. Ты никогда не увидишь, как от твоего смеха распускаются цветы. Ты будешь тем, кто сжигает леса, чтобы враг не прошел.

В полумраке библиотеки его лицо казалось высеченным из старого, усталого камня.

— Но твой долг будет тяжелее моего. Если судьба не подарит тебе такую же редкую, невозможную удачу, как мне… — он на мгновение прикрыл глаза, и в этой тени промелькнул образ Лизабет, — ты будешь искать не ту, от которой у тебя замирает сердце.Ты будешь искать живой сосуд. Ты будешь ходить по самым грязным рынкам и самым высоким башням с одним вопросом. Ты будешь смотреть не на лицо, не на стан и не на золото ее приданого. Ты будешь смотреть на то, как дрожит воздух вокруг ее рук. Как ведет себя пламя в ее присутствии. Как быстро заживают ее царапины. Ты будешь искать ту, в чьем ребенке магия Мару — твоя сталь, твой закон, твоя воля — встретится с магией Ахтара — ее хаосом, ее жизнью.

Он положил тяжелую, теплую руку ему на затылок, заставляя посмотреть себе в глаза.

— И ты бы исполнил свой долг перед Домом Мару, — голос Сандора стал ниже, превратившись в рык, — чтобы твоя дочь — не ты, Пьер, запомни, твоя магия никогда не сядет на этот трон. Чтобы именно твоя дочь смогла сесть на этот трон и удержать его не волей, а магией. Потому что ты — Мару. А Дом Мару всегда платит по счетам. Мы — гаранты. Мы — цена, которую мир платит за существование Этерионов.

Пьер слушал, затаив дыхание. Его кулачки были сжаты так, что побелели костяшки. Он смотрел на отца, на Императора, который правил миллионами, но сам был лишь строчкой в долговой книге крови.

— А если… если я полюблю другую? — голос мальчика дрогнул. — Ту, в ком нет магии. Просто… девушку.

Сандор убрал руку. Он медленно прошелся по библиотеке, его шаги гулким эхом отдавались от сводов.

— Тогда ты станешь очень несчастным мужчиной, Пьер, — ровно ответил Император, остановившись у окна. — Но ты останешься хорошим Главнокомандующим. Ты возьмешь ту, которую велит долг, в свои покои. А ту, которую любишь, обеспечишь всем до конца ее дней, дашь ей титул и отпустишь с миром, если она того пожелает. Или будешь любить ее тайно, зная, что твои истинные наследники родятся от другой.

Пьер сглотнул. Его горло дернулось. Он смотрел на свои руки, представляя, как однажды они будут сжимать не рукоять деревянного тренировочного меча, а холодную ладонь незнакомой девушки, чей взгляд он будет игнорировать ради выживания Империи.

— Это звучит… очень одиноко, отец, — прошептал он.

— Это и есть одиночество власти, — кивнул Сандор, вглядываясь в ночной Ацилотс. — Я — исключение, Пьер. Ошибка в расчетах жрецов. Я получил всё. Но закон написан не для исключений. Он написан для тех ночей, когда в королевской спальне нет любви, а есть только холодный расчет и надежда на то, что через двадцать лет родится девочка с синими глазами.

Сандор повернулся от окна. Полумрак библиотеки скрывал выражение его лица, но Пьер чувствовал тяжелый, изучающий взгляд отца.

— Поэтому я учу тебя стратегии, сын. Поэтому ты будешь спать на голой земле в гарнизоне и учить уставы, пока другие дети играют в куклы. Твоя жизнь не принадлежит тебе. Она принадлежит той девочке, которая, возможно, еще даже не зачата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.